

УДК 94(57).084.9

ЗАБАСТОВКИ И ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ (1988 – 1991 гг.)

Е.Н. Волосов, канд. ист. наук
филиал ВСГАОВ г.Усть-Илимске, Усть-Илимск

Рассматриваются особенности забастовочного движения в Ангаро-Енисейском регионе и поведенческие стереотипы, реакция на новые социально-экономические и политические вызовы со стороны технократической элиты. Приведены примеры крупных забастовок с далеко идущими экономическими последствиями, а также мало изученный феномен такого типа протеста, как угроза забастовкой. Делается вывод о том, что технократическая элита региона в основном выдержала достойно испытание забастовочным движением и смогла не допустить серьезных социально-экономических конфликтов.

Ключевые слова: Ангаро-Енисейский регион, технократическая элита, перестройка, забастовки, угроза забастовкой, требования бастующих, социально-экономические конфликты.

Тема конфликтов в эпоху перестройки чрезвычайно плодотворна для изучения. Причем, отделить экономическую и политическую составляющие практически невозможно. Недовольство рабочих, в основе которого лежали проблемы финансового и социально-бытового характера, неизбежно продуцировало вопросы о политической ангажированности властных органов и целях политики правящей партии и государства. Одним из важнейших индикаторов степени напряжения конфликтов внутри трудовых коллективов, противостояния между административно-управленческим аппаратом предприятий и трудовыми коллективами стали забастовки.

Ангаро-Енисейский регион в период перестройки не изобиловал забастовками. Либо они не удостоились внимания журналистов, охочих до сенсаций, либо их действительно не было.

Из документов и материалов периодической печати известен только один случай крупной забастовки на территории региона, вызвавшей большой резонанс в силу стратегического значения предприятия, на котором начались волнения трудового коллектива.

Весной 1989 года забастовали горняки рудников «Комсомольский», «Октябрь-

ский», «Маяк», «Таймырский», входивших в систему Норильского горно-металлургического комбината (НГМК). Забастовка продолжалась с 4 по 8 апреля. Ее участники выдвигали только экономические и организационные требования: перевод на вторую модель хозрасчета и в перспективе на арендный подряд; финансирование работ по ремонту; доплаты за вторую и третью смены; увеличение северных льгот. Забастовка ведущих поставщиков сырья для трех металлургических заводов комбината в условиях непрерывного производства могла поставить предприятие в тяжелую экономическую ситуацию и создать угрозу крупной техногенной катастрофы.

Для разрешения конфликта в Норильск прилетели министр цветной металлургии СССР В. Дурасов, председатель Госкомтруда СССР И. Гладкий, первый секретарь Красноярского крайкома О. Шенин. После встреч с руководителями забастовки часть требований пообещали удовлетворить. В этом конфликте, как в увеличительном стекле, проявились наивные и популистские представления о природе экономических отношений, хозяйственном расчете, отчислениях из прибыли и других важных понятиях и показателях, невысокая степень полити-

ческой и правовой готовности к переменам как рабочих, так и руководителей комбината.

Только прямой ущерб от забастовки составил более одного миллиона рублей. Это, естественно, спровоцировало падение фонда оплаты труда по комбинату. Но требованием бастующих как раз являлось его увеличение. Для того чтобы удовлетворить все чаяния горняков, по подсчетам экономической службы комбината, потребовалось бы более 120 миллионов рублей. В условиях экономической самостоятельности позаимствовать их можно было только из других фондов, например, фондов развития производства или социального развития. А это отложенные работы по технической модернизации, не построенные детские сады, квартиры, санатории и дома отдыха.

При анализе ситуации правительственная комиссия обратила внимание на пассивность и нерешительность администрации комбината и рудников при разрешении конфликтной ситуации [1]. Негативную роль могли сыграть невысокие организационно-деловые качества и слабая психологическая устойчивость генерального директора НГМК А.В. Филатова. Прекрасный инженер, но как руководитель, долгие годы находившийся на вторых ролях, он так и не смог стать подлинным лидером коллектива и проявить себя в сложнейших условиях экономического коллапса конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Распространенным явлением в конце 1980-х годов, которое тревожило хозяйственных руководителей, стала угроза забастовкой, ибо им приходилось одновременно работать в условиях прежнего планового режима и классической иерархической подчиненности, учитывать растущую экономическую и политическую субъектность своих подчиненных, сохраняющееся влияние партийных органов и меркантильное желание получить материальные дивиденды от производственно-финансовой деятельности предприятий в изменившихся экономических условиях.

Предзабастовочное состояние и попытка использовать трудную экономическую ситуацию в экономических и социальных интересах предприятия присутствовали во многих коллективах. Как и по стране в целом, главной действующей силой рабочего движения в Красноярском крае являлись шахтеры. По географии визитов генерального директора ПО «Красноярскуголь» В.А. Гуськова можно увидеть, где шахтеры угрозой действием пытались решить свои социальные проблемы. В начале июля 1989 года ему пришлось выводить из предзабастовочного состояния коллективы шахт «Черногорская» и «Хакасская», расположенных на юге края. Общий список требований, выдвигаемых шахтерами, не отличался оригинальностью и отражал плачевное состояние социально-бытового и продовольственного обеспечения, неразрешенность многих вопросов по оплате труда и пенсионному обеспечению. В рамках резко возросшего уровня эгалитаристских настроений вполне понятным было и требование о сокращении управленческого аппарата на местах и в объединении.

В требованиях, выдвинутых шахтерами Хакасии, можно увидеть растущий уровень политической субъектности в сочетании с наивностью в понимании политических и экономических проблем. Впрочем, осуждать за это рабочих, когда не меньшим уровнем инфантилизма страдали гораздо более просвещенные слои общества, было бы несправедливо.

Вот лишь несколько требований угольщиков, обращенных к Верховному Совету СССР и Совету Министров СССР:

– предоставить предприятиям Черногорска полную экономическую и юридическую самостоятельность, увеличив в три раза отчисления в местный бюджет;

– дать предприятиям право реализовывать сверхплановую продукцию как на внутреннем, так и на внешнем рынке, с открытием расчетного счета во Внешторгбанке, с правом закупки на валютную валюту продуктов и товаров на-

родного потребления, медицинского оборудования;

– установить выплаты пенсии по старости в размере 70 % от средней зарплаты рабочих угольной промышленности;

– поставить валютные закупки под контроль народа.

В условиях тотального дефицита товаров народного потребления шахтеры предлагали правительству «обеспечить полную потребность бытовыми электро-товарами, мотоблоками и навесным оборудованием до 1 января 1990 года». Свообразными маркерами, отражающими дух периода и потребности общества, служат требования об увеличении выдачи продуктов на талоны, предоставлении всем желающим ссуды на строительство, запрете реализации государственных фондов через кооперативы и коопторг, строительстве пансионата для шахтеров и нового торгового центра [2].

Угроза забастовкой в случае невыполнения шахтерских требований ставила под удар, прежде всего, хозяйственных руководителей, которые несли персональную ответственность за выполнение государственного плана (заказа) и социальную стабильность в подведомственных организациях и на предприятиях.

Руководители угольной отрасли оказались в весьма нелегкой ситуации. По признанию В. Гуськова, объединение также не все сделало для создания условий бесперебойной работы угольных предприятий, не смогло защитить соответствующие государственному заказу поставки машин, оборудования, ГСМ, вагонов и др.

Опять же в духе ментальности того времени ключевым шагом в преодолении трудностей должна была стать возможность реализации добываемого угля без посредников, шахтами, разрезами и объединением. Это даст возможность заработать средства и на развитие социальной сферы, «...одеть, обусть, накормить горняков, обеспечить им полноценный отдых, усилить охрану общественного порядка в шахтерских городах» [3].

В августе 1989 года очень тревожная предзабастовочная ситуация сложилась на разрезах Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. Угроза остановки работы на разрезах «Бородинский», «Назаровский», «Березовский», имевших стратегическое значение для отрасли, заставила приехать в край комиссию Совета Министров СССР, ВЦСПС и Совета Министров РСФСР во главе с заместителем председателя бюро Совета Министров СССР по ТЭК Г.Д. Маргуловым.

По материалам выступлений руководителя комиссии можно высоко оценить уровень социальной и политической демагогии, используемой высокопоставленным столичным чиновником для погашения возможной забастовки. Алгоритм прост: критикуй министерства за неэффективную работу системы управления отраслью, руководителей на местах – за пассивность и созерцательность, тем более что, по словам Г.Д. Маргулова, 80 процентов поставленных вопросов находились в компетенции региональной технократической элиты. Обязателен реверанс в сторону стачкомов, которые «заставляют ускорить решение проблем». И, наконец, твердое, оптимистичное заверение в том, что проблемы, поставленные перед вышестоящими инстанциями, будут решены в ближайшем будущем. Гарантией тому – опыт работы с рабочими комитетами угольных бассейнов страны [4].

Продолжавшееся на протяжении последующих лет падение объемов добычи угля, ухудшение социально-экономического положения шахтерского края показали, что правительственные комиссии выполняли скорее роль пожарных, стремившихся не дать разгореться пламени социально-политических конфликтов, нежели органов, всерьез озабоченных налаживанием организации производства, социально-бытового развития и имеющих на то правовые и финансовые полномочия.

Для понимания проблем, с которыми пришлось столкнуться хозяйственным

руководителям регионального уровня в ходе экономической реформы, многое дало интервью Г.Д. Гуськова, приуроченное к празднованию Дня шахтера 27 августа 1989 года. В отличие от парадных выступлений предыдущих лет, руководитель ПО «Красноярскуголь» пытался оценить общую экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся в отрасли.

То, что в крае удалось не допустить настоящих забастовок – заслуга хозяйственных руководителей и рабочих комитетов. Первые сделали многое для нормализации социально-бытового обеспечения коллективов, улучшения взаимодействия с министерствами путей сообщения и энергетики, а вторые – не стали раскачивать лодку, понимая, что забастовка не лучший метод для разрешения споров.

В заслугу забастовочному движению Г.Д. Гуськов ставил и то, что оно заставило правительство быстрее решать многие рабочие вопросы. Например, годами с мест шли обращения в Госкомтруд СССР с просьбой о пересмотре расценок и норм при добыче угля. Однако ничего не менялось. Теперь, напуганное забастовками, правительство доверило самим предприятиям решать эти вопросы.

Право на самостоятельные решения и действия, заложенные в Законе о государственном предприятии, позволили руководству объединения гораздо больше внимания уделить социальной проблематике. Появилась возможность увеличить долю инвестиций на непроизводственное строительство, жилье и соцкультбыт. Г.Д. Гуськов с гордостью говорил о почти трехкратном увеличении финансирования социальных программ – с 15 до 40 процентов. Как краткосрочная задача, решаемая для снижения уровня социальной напряженности, такие меры, безусловно, имели право на жизнь. Однако в долгосрочной перспективе переброска инвестиций из производственного сектора ставила под сомнение выполнение программ развития и

модернизации предприятий угольной отрасли.

Получив право на самостоятельные внешнеэкономические действия, объединение резко нарастило объемы международной торговли. За счет сверхпланового угля на бартерной основе шел его обмен на бытовую технику, товары и оборудование японских фирм. К сожалению, в газетном материале отсутствовала информация о том, какая часть дефицитных японских товаров и техники дошла до рядовых рабочих. Будем надеяться, что тотальная система «блата», фактически управлявшая снабжением товарами народного потребления в нашей стране, позволила хотя бы в минимальной степени удовлетворять потребности простых шахтеров.

Не мог Г.Д. Гуськов не отреагировать и на недавнюю критику заместителя председателя бюро Совета Министров СССР по ТЭК Г.Д. Маргулова в отношении местных хозяйственных руководителей. Здесь также сказывался «ветер перемен». Местная технократия уже не желала молча сносить не всегда аргументированную критику в свой адрес. Ответ генерального директора ПО «Красноярскуголь» был достаточно резким, но в целом справедливым: «Сейчас в Москве даже М.С. Горбачев объясняет все беды тем, что руководство на местах ничего не делает. И за прошлое оно в ответе. Категорически с этим не согласен. Больше неразберихи, например, по КАТЭКу наверху. Постановление по его развитию сразу было нежизнеспособно, так как энергетики тянули в свою сторону, угольщики и железнодорожники – в свою. И никто не думал о людях, которые создавали этот КАТЭК. Эта программа все время нарушалась из Москвы. Оттуда давили мощностями» [5].

Массовые выступления шахтеров за свои права, их активная политическая поддержка нового российского лидера Б.Н. Ельцина способствовали тому, что предприятия угледобывающей отрасли получили большое количество льгот, налоговых послаблений, высокий уровень

экономической самостоятельности. Шахтерам была обеспечена значительно большая заработная плата в сравнении с работниками других отраслей промышленности. В определенной мере от этой ситуации выиграли местные руководители угольной отрасли. Благодаря либеральным решениям российского правительства и ликвидации министерства угольной промышленности СССР они получили невиданную ранее свободу экономических действий, которую использовали как в интересах своих коллективов, так и в собственных интересах. Во второй половине 1989 года шахтерские волнения практически сошли на нет.

Помимо угольной и горнодобывающей отрасли, зоной сильного экономического и социального напряжения являлась лесная промышленность региона. Правда, в отличие от угольщиков, в лесной промышленности главной движущей силой по организации забастовок выступали не рабочие лесозаготовительных и лесохимических предприятий, а их руководители. Возмутителем спокойствия стала лесопромышленная ассоциация «Кансклес», образовавшаяся в 1990 году и вошедшая в состав концерна «Енисейлес». В ассоциации состояли 10 леспромхозов, лесопильно-деревообрабатывающий комплекс, сплавная контро-ра и биохимический завод.

Предприятия, входившие в ассоциацию, выдавали значительный объем продукции: 1 млн. 813 тыс. куб. м деловой древесины, 415 тыс. куб. м пиломатериалов, 616 тыс. штук шпалы, 1 млн. 131 тыс. декалитров спирта, 9 тыс. тонн кормовых дрожжей. Однако, как и во всей лесной отрасли, производство было обременено большой социальной сферой. На балансе предприятий находились жилой фонд лесных поселков, социально-культурная инфраструктура, значительная часть автомобильных дорог. Вместе с экономической самостоятельностью предприятия получили от государства и социальную ответственность. Однако в условиях ухудшающейся конъюнктуры рынка,

разбалансированности народного хозяйства экономические показатели большинства членов ассоциации значительно ухудшились. Негативную роль сыграл введенный под давлением экологов запрет на молевой сплав древесины по рекам. Для сохранения речных экосистем дело, безусловно, полезное. Однако на альтернативную доставку древесины с верхних складов леспромхозам потребовалось бы около 65 миллионов рублей.

Особое возмущение у членов ассоциации вызывало стремление местных советов отдать лучшие лесосырьевые базы самозаготовителям из среднеазиатских республик. Надежда на то, что ассоциации в решении острых вопросов поможет руководство концерна «Енисейлес», не оправдалась. Не имея возможности обратиться из финансового тупика и предчувствуя скорый крах, руководители предприятий ассоциации «Кансклес» обратились с открытым письмом в адрес правительства РСФСР, руководства Красноярского края и концерна «Енисейлес» о том, что если не будут выполнены их требования, они начнут бесспорную забастовку. О каких требованиях шла речь?

1. Обеспечение леспромхозов под государственный заказ 1991 года стопроцентным лесосечным фондом в расчетном объеме.

2. Установление договорных цен на всю лесопroduкцию, реализуемую сверх госзаказа, без ограничения предельного уровня рентабельности.

3. Обеспечение за счет государственного бюджета затрат на переоснащение бывших сплавных предприятий на сухопутную транспортировку древесины [6].

Анализ требований показывает, что выполнить их в условиях эскалации политической и экономической напряженности в стране, борьбы за власть между союзным и республиканским центром не представлялось возможным. Угроза забастовкой никак не подействовала на разные уровни государственной власти, не встревожилось и руководство «Енисейлеса». В условиях фактического краха

системы государственного заказа, обострившейся конкуренции за рынки сбыта, отказа государства от вмешательства в оперативную деятельность предприятий бастовать было невыгодно, прежде всего, самим коллективам.

В отличие от Красноярского края, Иркутскую область вирус забастовочного движения обошел стороной. Как и по всей стране в 1988 – 1990-х годах на территории проводились многотысячные митинги, посвященные политическим, социальным, экологическим проблемам, разворачивались бурные дискуссии о судьбах перестройки, политической и экономической реформе, месте и роли тех или иных политических лидеров. Однако рабочий класс, несмотря на не менее сложные социально-бытовые условия, чем в западных районах страны, вел себя достаточно спокойно и проявлял свою активность только на политических и экологических митингах.

Среди вероятных причин можно назвать меньший по объему и стратегическому значению кластер угольной промышленности. Черемховский угольный район в 1980-е годы последовательно снижал объемы добычи топлива, да и в плане социально-политической активности представлял из себя достаточно депрессивную территорию. На угольных разрезах «Азейский» и «Тулунский», расположенных близ города Тулуна, благодаря грамотной социально-экономической политике руководства ПО «Востсибуголь» в лице А.К. Барредо

и И.М. Щадова удалось не допустить эскалации протестных действий.

Трудовые коллективы предприятий других отраслей народного хозяйства, расположенных в Иркутской области, тем более не предъявляли требований с угрозами забастовкой.

Можно констатировать, что испытание забастовочным движением технократическая элита Ангаро-Енисейского региона в основном выдержала достойно и смогла не допустить серьезных социально-экономических конфликтов на введенных ей предприятиях.

Литература

1. Хребтов В. Нужна ли была забастовка? // Экономическая газ. 1989. № 16. С. 20, 24.
2. Национальный архив Республики Хакасия. 2. Ф. 2. Оп. 19. Д. 595. Л. 15 – 16; 18 – 24.
3. Путь к доверию [Беседа с ген. директором ПО «Красноярскуголь» В.А. Гуськовым] /записал С. Аркадьев // Красноярский рабочий. 1989. 28 июл.
4. Сенищук А. Догнать уходящий поезд // Там же. 24 авг.
5. Стыврин В. Там на шахте угольной [интервью с ген. директором ПО «Красноярскуголь» В.А.Гуськовым] // Там же. 1989. 27 авг.
6. Мы еще не бастовали (Лесная индустрия на грани краха – считают авторы письма в редакцию): открытое письмо // Там же. 1991. 16 апр.